

Ключевые слова: цифровой суверенитет, государство, корпорации, личные данные, автономия, дигитализация, глобализация, трансформация.

Key words: digital sovereignty, state, corporations, personal data, autonomy, digitalization, globalization, transformation

Статья посвящена проблемам обеспечения информационного суверенитета государства и личности в условиях глобальной цифровой трансформации общества. Автор раскрывает три основных направления дискуссий, развертываемых в научной среде по данным вопросам. В статье выдвигаются некоторые предложения по актуализации конкретных аспектов дискуссий и практических мероприятий, позволяющих найти и обеспечить взвешенный консенсус между всеми заинтересованными сторонами данного дискурса – гражданами, государством, субъектами экономической деятельности.

The article is devoted to the problems of ensuring the information sovereignty of the state and the individual in the context of the global digital transformation of society. The author reveals three main areas of discussion in the scientific community on these issues. The article puts forward some proposals for actualizing specific aspects of discussions and practical measures that allow finding and ensuring a balanced consensus between all stakeholders of this discourse – citizens, the state, and economic entities.

УДК 341.217(4)

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ИПАТОВА О. В.

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Для Европейского союза Восточная Европа (ВЕ) всегда была частью «более широкой Европы», хотя институционализация отношений с ВЕ произошла относительно поздно в рамках Европейской политики соседства (The European Neighbourhood Policy, ENP), Восточного партнерства (The Eastern Partnership, EaP/ВП) и недавно подписанных соглашений об ассоциации (The Association Agreements, AAs).

Процесс европейской интеграции как «европеизация» переместился на Восток и недавно достиг этого самого восточного региона в своей особой форме «внешней европеизации». Это расширение ЕС было очень сложным по историческим и геополитическим причинам. Исторически контакты между Востоком и Западом в экономической, политической и культурной сферах были довольно слабыми в период холодной войны. Восток оставался изолированным от динамически развивающегося ЕС из-за отсутствия интенсивного сотрудничества даже после холодной войны, и хотя эта изоляция уменьшалась, происходил этот процесс очень медленно. Поэтому в восточных регионах европейская идентичность была довольно амбивалентной, что было связано с тем, что идентичность всегда является явлением, исторически детерминированным – между Востоком и Западом существовал своего рода ментальный барьер, в основном

порожденный взаимным невежеством и враждебностью. Самосознание восточных государств стало «европейским» в той мере, в которой они могли видеть свое европейское будущее внутри ЕС или по крайней мере с ЕС. В 2004 году ЕС в своей Европейской политике соседства определил границы Европы – и шесть стран Восточного партнерства (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдавия, Украина) в 2009 г. оказались вне европейской перспективы [1].

Политика сплочения является основным инструментом на уровне ЕС для достижения экономического, социального и территориального сплочения. С расширением на Восток вся политика сплочения ЕС была радикально реструктурирована, чтобы выполнять свою интегративную роль в ЕС. Учитывая низкую поглощающую способность новых стран-членов (поглощающая способность страны – способность страны перенимать и внедрять новшества в различных сферах, что подразумевает наличие человеческого капитала, способного понять и применять инновации (экономические, социальные, политические, технические) [2], эффективность политики сплочения в этих государствах ставится под сомнение, и это повлияло на расширение политики сплочения за пределами ЕС – на регион Восточного партнерства. Серьезные изменения снова произошли в политике сплочения ЕС и в философии дифференцированной интеграции, изначально понимаемой как многоуровневое управление в области принятия решений [3]. «Новая» политика сплочения началась в переломный период между периодами 2007–2013 гг. и 2014–2020 гг. при разработке Долгосрочного бюджета ЕС (MFF) в 2014 г.

Можно выделить две основные тенденции. Во-первых, учитывая необходимость создания Энергетического союза [4; 5], основной упор в Долгосрочном бюджете ЕС (MFF) 2014–2020 гг. [6] сделан на инвестиции, связанные с присоединением (инфраструктура, транспорт и энергоснабжение). Во-вторых, поскольку в предыдущий период (2007–2013 гг.) разрыв между наиболее и наименее развитыми Номенклатурными территориальными единицами 2 (NUTS 2) увеличился в основном из-за мирового кризиса, «новая» политика сплочения пытается уменьшить этот разрыв. Обе тенденции очень тесно связаны с политикой ЕС по сплочению стран ВП, потому что для политики сплочения также было важно укрепление отношений с этим регионом, так как регионы ЕС, граничащие со странами ВП, входят в число наименее развитых регионов NUTS 2.

Таким образом, существует положительная корреляция между политикой сплочения ЕС в целом и ее отдельной версией – Восточным партнерством – во всех аспектах экономического, социального и территориального сплочения, а также в области наращивания институционального потенциала. При разработке концептуальной основы политики сплочения в регионе ВП важно отметить, что ЕС со своими правилами и ценностями выступил в роли «нормативной сверхвласти» и «гражданской сверхвласти» [7].

Концепция Европейского союза как гражданской власти (civilian power) была выдвинута в начале 1970-х гг. Ф. Дюшеном [8]. Говоря о перспективах развития Европейского экономического сообщества (ЕЭС), исследователь подчеркивал возможность его превращения в отдельный центр силы, опирающийся на невоенные средства во внешней политике: убеждение, постоянный диалог, международные договоры, экономические преференции и санкции, техническую помощь и т. д. Второе измерение гражданской власти сводилось к особенностям внешне-

политических целей, заключавшимся в развитии международного сотрудничества, солидарности, укреплении роли права в отношениях между государствами, распространении равенства, справедливости и терпимости. Второе измерение концепции гражданской власти – внешнеполитические цели, понимаемые как *milieu goals*, – до определенного момента оставалось относительно малоисследованным. По сути, возврат к нему произошел на рубеже 1990–2000-х гг. и был связан с появлением новой концепции Европейского союза как нормативной власти, предложенной датским ученым И. Маннерсом [9]. Ключевой характеристикой ЕС после 1991 г. стала его способность распространять собственные внутренние нормы на страны, не являвшиеся членами, а в ряде случаев и не стремившиеся стать частью данного интеграционного объединения.

В целом политика сплочения придает сущность процессу европеизации, поскольку эти термины становятся все более и более близкими и очевидными в ходе ряда расширений ЕС. Ускоренные темпы глобализации привели к тому, что ЕС запустил в регионе Восточного партнерства процесс «глобализации и регионализации». Это «внешнее управление» (*external governance*) было широко проанализировано в европейских исследованиях. Концепция внешнего управления была изложена С. Лавенекс и Ф. Шлиммельфеннигом [10].

Рассмотрение Европейского союза как влиятельного актора мировой политики (концепции гражданской или нормативной власти) игнорирует тот факт, что в интеграционном объединении отсутствует единый центр власти, принимающий внешнеполитические решения. Это в значительной степени предопределило формирование подхода к внешней политике ЕС как к процессу. В его рамках Европейский союз представляется как политическое образование (*polity*), в котором власть разграничена между различными уровнями управления (наднациональные органы, государства-члены, субнациональные образования) и акторами (государственными, неправительственными, частными), а между сферами интеграции имеются существенные различия в способах управления [11, pp. 346–347, pp. 371–373].

Изначально теория многоуровневого управления была призвана концептуализировать скорее внутренние особенности ЕС, нежели его отношения с внешним миром. Однако достаточно быстро постулаты этой теории стали применяться и к анализу взаимодействия Европейского союза с третьими странами, получившее название «внешнее управление». По своей сути внешнее управление достаточно близко к концепции нормативной власти, поскольку предполагает распространение норм Европейского союза на страны, не являющиеся его членами. Однако в отличие от И. Маннерса, понимавшего нормы в первую очередь как ценности, лежавшие в основе создания, развития и расширения ЕС, сторонники применения теории многоуровневого управления к внешней политике рассматривают его основания как комплекс нормативно-правовых актов (*acquis communautaire*), формирующих систему внутренних и внешних политик ЕС [12, p. 84].

В этом смысле пространство свободы, безопасности и правосудия представляет собой едва ли не идеальный пример внешнего управления, обусловленного транснациональным характером угроз Европейскому союзу и, соответственно, необходимостью сотрудничать с третьими странами как основными источниками иммиграции, потоков беженцев и организованной преступности.

Объектом анализа для внешнего управления служит институциональный процесс распространения норм и перенесения на внешнее пространство внутриевропейских политик (*policy transfer*), а для нормативной державы – модель ЕС как единого актора. В настоящее время внешнее управление широко используется для концептуализации взаимодействия Европейского союза со странами, включенными в политику соседства. Отсутствие для них перспективы вхождения в состав Евросоюза означает, что *acquis communautaire* в сфере юстиции и внутренних дел предстают не в форме нормативно-правовых актов, которые должны быть инкорпорированы в правовую систему отдельных государств СНГ и Средиземноморья, а в форме правил оперативного сотрудничества этих государств с институтами и органами ЕС посредством транснациональных сетей.

Таким образом, внешнеполитическое измерение пространства свободы, безопасности и правосудия представляет собой отдельное направление внешней политики ЕС, сложившееся как ответ на угрозы транснационального характера и имеющее своей целью их нейтрализацию посредством активного распространения *acquis communautaire* в сфере юстиции и внутренних дел на третьи страны. Другими словами, ЕС стремится сохранить сложившийся режим внутренней безопасности, стараясь «работать» с угрозами на расстоянии, не дожидаясь наступления негативных последствий от иммиграции, потоков беженцев и отдельных видов преступности непосредственно на территории интеграционного объединения.

Неудивительно, что проблема внешнего управления была важной темой в европейских исследованиях во второй половине 2000-х гг. и что она стала жизненно важной в середине 2010-х гг. В основном, по словам С. Лавенекс и Ф. Шиммельфенига, внешнее управление приводит к европеизации, поскольку «ЕС проектирует свои собственные регуляторные модели, институты и правила управления за пределами формального членства и делает это в институциональных формах скоординированных действий, направленных на заключение обязывающих соглашений» [13, р. 657]. Европейская внешняя политика основана на общих принципах, вытекающих из норм и правил ЕС. В то же время она, возможно, была еще более сформирована специфическими режимами ЕС в различных областях политики.

Эффекты европеизации носят случайный характер. Внешняя политика является косвенным механизмом европеизации, основанным как на активных действиях ЕС по продвижению своих ценностей, так и на процессе «европейской» социализации участников со стороны ВП. Европеизация региона ВП является целью, а политика сплочения ЕС – основным инструментом. Внешняя политика стала весьма актуальной в случае стран Восточного партнерства после расширения на восток и распространения политики сплочения на Восточную Европу. Сегодня всеобъемлющая политика сплочения, перенесенная во вне ЕС, стала заменой расширению. Поскольку политика сплочения была распространена на Восток, она приобрела особую нормативно-правовую базу благодаря финансовым трансферам из бывшего Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) и нынешнего Европейского инструмента соседства (ENI) (см. Таблицу).

Таблица. ENPI – ориентировочные средние отчисления по странам, 2014–2020 гг., 2014–2017 гг., 2018–2020 гг., млн евро

Страны Восточного партнерства	2014–2020 гг.	2014–2017 гг.	2018–2020 гг.
Азербайджан	154	85,5	68,5
Армения	280	155	125
Беларусь	143,5	80	63,5
Грузия	678	372,5	305,5
Молдавия	678	372,5	305,5
Украина	920,5	680	240,5

Источник: Европейский парламент, Комитет по иностранным делам

Но политика сплочения ЕС в ВП была гораздо более сложным процессом, чем эти финансовые конструкции. В основном она работала через интенсивные экономические контакты, которые во многих отношениях были новаторскими, поскольку к ним была «прикреплена» комплексная программа институционального строительства. Отношения ЕС со странами ВП очень специфичны, так как в этом регионе внешняя и внутренняя периферия ЕС встречаются и создают особую конфигурацию. Восточные государства-члены и страны Восточного партнерства, как соседи, имеют интенсивные контакты, совместный опыт решения аналогичных проблем и при этом по-разному относятся к стратегиям европеизации.

Литература

1. Blockmans, S. The EU and its neighbours: predictions for 2015. Editorial in the CEPS Neighbourhood / S. Blockmans [Electronic resource]. – Access mode : http://www.ceps.eu/system/files/simplenews/2011/05/NWatch111_final.pdf. – Access date : 20.05.2021.
2. Bachtler, J. From conditionality to Europeanization in Central and Eastern Europe: administrative performance and capacity in cohesion policy / J. Bachtler, C. Mendez, H. Orazе, // European Planning Studies. – 2014. – № 22. – P. 735–757.
3. Investment for jobs and growth. Promoting development and good governance in EU regions and cities / Sixth report on economic, social and territorial cohesion // European Commission 2014 [Electronic resource]. – Access mode : https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion6/6cr_en.pdf. – Access date : 20.05.2021.
4. European Commission. Energy Union Package. COM (2015) 80. 25.02.2015 [Electronic resource]. – Access mode : https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF. . – Access date : 20.05.2021.
5. European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions. EUCO 11/15 [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.consilium.europa.eu/media/21888/european-council-conclusions-19-20-march-2015-en.pdf>. – Access date : 20.05.2021.
6. Multiannual financial framework 2014-2020 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.guidaeuroprogettazione.eu/wp-content/uploads/2015/06/quadro-finanziario-2014-2020-EN.pdf>. – Access date : 20.05.2021.
7. Larsen, H. The EU as a normative power and the research on external perceptions: the missing link / H. Larsen // Journal of Common Market Studies. – 2014. – № 52. – P. 896–910.
8. Duchene, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence / F. Duchene // A Nation Writ Large? Foreign Policy Problems Before the European Community / ed. by M. Kohnstamm, W. Hager. – London : Macmillan, 1973. – 275 p.
9. Manners, I. Normative Power Europe: a Contradiction in Terms? / I. Manners // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40. – № 2. – P. 239–245.

10. Lavenex, S. EU rules beyond EU borders: theorizing external governance in European politics / S. Lavenex, F. Schimmelfennig // Journal of European Public Policy. – 2009. – Vol. 16. Issue 6: European Union External Governance. – P. 791–812.

11. Marks, G. European Integration from the 1980s: State-Centric v. MultiLevel Governance / G. Marks, L. Hooghe, K. Blank // Journal of Common Market Studies. – 1996. – Vol. 34. – № 3. – 342–378.

12. Lavenex, S. The External Governance of EU Internal Policy / S. Lavenex, N. Wichmann // European Integration. – 2009. – № 31. – P. 83–102.

13. Schimmelfennig, F. EU external governance beyond the EU / F. Schimmelfennig : in David Levi-Faur (ed.). – Oxford Handbook of Governance, Oxford and New York: Oxford University Press. – 2012. – P. 656–672.

Для Европейского союза Восточная Европа всегда была частью «более широкой Европы», хотя институционализация отношений произошла относительно поздно в рамках Европейской политики соседства, Восточного партнерства и недавно подписанных соглашений об ассоциации. Процесс европейской интеграции как «европеизация» переместился на Восток и недавно достиг этого самого восточного региона в своей особой форме «внешней европеизации». Существует положительная корреляция между политикой сплочения ЕС в целом и ее отдельной версией – Восточным партнерством – во всех аспектах экономического, социального и территориального сплочения, а также в области наращивания институционального потенциала. Отношения ЕС со странами ВП очень специфичны, так как в этом регионе внешняя и внутренняя периферия ЕС встречаются и создают особую конфигурацию. Восточные государства-члены и страны Восточного партнерства как соседи имеют интенсивные контакты, совместный опыт решения аналогичных проблем и при этом по-разному относятся к стратегиям европеизации.

For the European Union (EU), Eastern Europe (EE) has always been a part of «wider Europe», although the institutionalisation of the relationships with EE has taken place relatively late through the European Neighbourhood Policy, the Eastern Partnership (EaP) and the recent series of Association Agreements. The European integration process as «Europeanisation» has moved eastwards and has recently reached this easternmost region in its special form of «external Europeanisation». There is a positive correlation between the EU cohesion policy as a whole and its separate version – the Eastern Partnership – in all aspects of economic, social and territorial cohesion, as well as in the area of institutional capacity building. The EU's relations with the EaP countries are very specific, since in this region the external and internal periphery of the EU meet and create a special configuration. The Eastern member states and the Eastern Partnership countries, as neighbors, have intensive contacts, having had both a common experience with similar problems, at the same time, have different attitudes towards Europeanization strategies.

УДК 316

АНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

КАВЕЦКИЙ С. Т.

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

Трансформационные процессы, протекающие в белорусском обществе на рубеже веков, привели к системным изменениям социальной структуры, в политической и духовной сферах породили новые социальные конфликты и противоречия, активизировали поиск новой модели развития суверенной Беларуси.